

Цви Миркин

МАЙОР И ТРИ БОГАТЫРЯ

Цви Миркин

Майор и три богатыря

«Издательские решения»

Миркин Ц.

Майор и три богатыря / Ц. Миркин — «Издательские решения»,

Что случится, если перепутать падежи в тексте заклинания? Кем были средневековые коллекционеры произведений искусства? И было ли в Средние века международное сотрудничество? Об этом — в сказке историка и дипломата Цви Миркина.

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	8
Глава 2.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Майор и три богатыря

Цви Миркин

© Цви Миркин, 2015

© Полина Побережски, дизайн обложки, 2015

Редактор Анна Новомлинская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Давным-давно, не только до революции, но даже и задолго до татаро-монгольского ига, правил в городе Киеве князь Владимир Красное Солнышко. Правил он традиционно – пировал с дружинниками и время от времени воевал то с хазарами, то с половцами, то с печенегами. Торговля и ремёсла при нём процветали.

А раз торговля процветала, то и купцы в городе жили. Одним из них был богатый купец Филипп Иванович. Торговал он всем, чем можно торговать, со всеми, с кем можно торговать, разбогател на этом сказочно и построил себе терем в самом центре города Киева. Жена Филиппа Ивановича давно преставилась, и жил он в этом тереме с тремя дочерьми и многочисленной прислугой.

Двух старших дочерей выдал купец со временем замуж, одну – за начальника городской стражи, а другую – за начальника сборщиков податей. Надо ли говорить, что торговля после этого пошла ещё лучше. И остался он жить вдвоём с младшей дочерью Настенькой и, опять же, многочисленной прислугой.

Жили они тихо и спокойно, дебошей никто не устраивал и общественный порядок не нарушал. Только одно было странно – раз в неделю, с наступлением темноты, подведя баланс за день и заперев счётные книги в тяжёлый дубовый шкаф с огромным висячим замком, сделанным по специальному заказу аж в самой Италии, уходил куда-то Филипп Иванович и возвращался лишь под утро. Настеньке же строго-настроено запрещал в этот день после захода солнца из дому выходить.

Одoleвало Настеньку по этому поводу неслабое любопытство. И однажды, послушавшись батюшку, прокралась она тайком со двора и незаметно пошла за ним.

Шла она по городу Киеву, обходя лужи, грязь, кучи мусора и прочие следы активной жизни киевлян, пока не приблизилась к городским воротам. Увидела она, как батюшка монету вынул и сунул стражникам, а они его за ворота пропустили. Испугалась Настенька, вспомнила рассказы про чудищ разных, которые по ночам вокруг города Киева бегают, да любопытство пересилило. Подошла она тоже к воротам, сунула стражникам золотой, и пропустили они её.

Вышла Настенька за ворота в чисто поле и увидела батюшку, шедшего по обочине дороги. Пошла она за ним, стараясь не шуметь. Прошёл батюшка поворот дороги, она – за ним, и тут поняла, куда ходил батюшка каждую неделю.

На пригорке за поворотом стояла полуразвалившаяся избушка. Местные жители её сторонились – там жила уродливая полусумасшедшая старуха, от которой постоянно несло перегаром. Настоящего имени её никто уже не помнил, и известна она была в Киеве как «Баба-Яга». Никто не знал, чем она точно занимается, предположения строились самые разные, доносы на неё тоже писали регулярно, но так как подати она платила исправно, оснований заняться этим вопросом вплотную у властей не было. Именно в эту избушку и зашёл Филипп Иванович.

«Вот те на...» – подумала Настенька. Подкралась она к избушке и заглянула в окошко. А там...

Изнутри избушка выглядела гораздо приличнее, чем снаружи. Играла музыка, мёд, брага и даже привезённые из далёких стран экзотические напитки, на этикетках которых был изображён странный мужик в клетчатой юбке и с дудкой, лились рекой, а на полатах сидел батюшка и миловался с какой-то неизвестной Настеньке девицей.

Настенька хоть и росла дома, но подруги у неё были, и она уже успела кое-какие интересные вещи от них услышать, да и за дворовыми людьми время от времени подглядывала. Но чтобы батюшка... Такого она в жизни не могла себе представить. Перепугалась Настенька, увидев, что её батюшка проделывает, и бросилась бежать обратно к воротам. Сама не помнила,

как золотой стражникам сунула, до дома добежала да в светлицу свою юркнула и заперлась в ней.

Глава 1.

Похищение купеческой дочери

Долго ли, коротко ли, подросла Настенька. Но увиденное в избушке у Бабы-Яги так и не забыла. Помнила она, как батюшка её с девкой миловался, и с тех пор вызывали у неё добры молодцы отвращение. Да и семейная жизнь старших сестёр навевала скуку – много детей, исполнение супружеских обязанностей раз в неделю да выслушивание рассуждений мужей о квартальных премиях за выполнение плана по сбору податей, пошлин и недоимок...

Тем временем приблизилось Настенькино восемнадцатилетие. А так как замуж её выдать пока что не получилось, пришлось Филиппу Иванычу озаботиться вопросом подарка. На прямо заданный вопрос Настенька ответила:

– Батюшка, не хочу я ни камней драгоценных, ни тканей роскошных. Подари мне лучше Чудище Заморское – будет у нас во дворе жить да соседей пугать.

Оторопел Филипп Иваныч:

– Да в своём ли ты уме, доченька? И как мы жить после этого будем? Нам же соседи красного петуха пустят! И женихи будут двор наш за версту обходить!

Рассердилась Настенька:

– Не хотите, батюшка, подарок такой мне сделать, ну и ладно. Слышала я, что в лесах под городом Муромом ведьма одна учениц набирает. Уйду из дома, выучусь у неё, да сама себе чудище наколдую!

Не нашел батюшка, что на это ответить. Понял он – придется дочкино желание исполнить. И пошел купец в лес, к Лешему.

В те времена вокруг города Киева ещё имелись густые леса, хотя много деревьев и пошло на изготовление идолов Перуна, Сварога, Дажьбога и прочих могучих божеств, которым поклонялись древние русичи. В этих лесах то тут, то там встречались густые чащи, в которые не заходили даже волхвы, утверждавшие, что ищут целебные растения. Многие, правда, подозревали, что ищут они то, что может компенсировать постоянный дефицит травки, без которой не получалось предсказывать будущее. В одной из таких чащ жил Леший.

У Лешего была странная репутация. С одной стороны, ничего откровенно плохого он не совершал, и даже у княжеских сборщиков податей претензий к нему не было. С другой стороны, образ жизни он вёл замкнутый, чем занимается, никто толком не знал, да и точное местонахождение его жилища было мало кому известно. Так что слухи о нём ходили один другого интереснее. Одни рассказывали, что Леший гонит такой самогон, от которого пьянеешь моментально, а похмелья наутро нет. Другие – что он изготавливает самое эффективное приворотное зелье, но стоит оно столько, что только константинопольский император, у которого сундуки от золота ломаются, может его купить. На самом же деле, всё обстояло гораздо проще.

Много лет назад, странствуя по свету, Леший встретил одну русалку и влюбился в неё. Русалка, в общем, тоже была не против, но была одна техническая проблема – вместо ног у неё был рыбий хвост. Вот и занялся Леший поиском рецепта снадобья, которое решило бы проблему. Снадобья он так и не смог найти, но стал редким специалистом по травам и зельям.

В ходе поисков Леший выяснил, что раз в году в лесу расцветал аленький цветочек. Никто, кроме Лешего, не знал, где его найти. Цветок этот, похожий на фаллос, исключительно положительно влиял на мужскую силу. Из него изготавливал Леший зелье, которое сбывал княжеским дружинникам – а они и платили щедро, и следили, чтобы у специалистов по сбору податей к нему претензий не было.

Сам Филипп Иванович в жизни бы его не нашёл, но, к счастью, Баба Яга помогла – по старому знакомству.

Порывшись в сундуке, старуха, удовлетворённо кряхтя, вытащила ржавый и пыльный кубок и протянула его купцу:

– Ты, Филя, не смотри, что он такой засранный. Это для маскировки – чтобы эти, которые от князя на полюдь ездят, на него не позарились. Им же всё блестящее подавай. Кубок-то волшебный – встань на перекрёстке, подними его над головой и скажи громко три раза, куда тебе попасть надо. Он тебя туда и приведёт.

Купец так и сделал. Назвал он три раза Лешего, и кубок с силой потянул его в сторону леса. Потом, подчиняясь кубку, купец углубился в самую чащу – причём кубок, как нарочно, вёл его через самые грязные места. Через несколько часов перепачкавшийся, оборванный и исцарапанный купец выскочил на полянку, где на краю, под огромным деревом, притулилась маленькая избушка, хозяин которой явно давно не уделял внимание ремонту. Примечательного в ней не было ничего, кроме сильнейшего запаха. Чем пахло, было не ясно, но легче от этого не становилось – бедного купца чуть не вырвало.

Тем не менее, он пересилил себя, приблизился к избушке и постучал в дверь, еле державшуюся на одной петле.

Из избушки раздалось покашливание, потом послышалось что-то нечленораздельное, но явно нецензурное, дверца отворилась и на пороге появился хозяин:

– Ну, и кого нелёгкая принесла? Знаешь ли ты, что бывает с теми, кто незванным сюда придёт?

Филипп Иванович не знал, но чувствовал, что ничего хорошего интонация не предвещает.

– Не гневайся, господин хороший! Не корысти ради, а токмо ради дочки любимой! Баба-Яга меня к тебе послала!

– Н-да, – задумчиво проговорил Леший. – Что ж, проходи, рассказывай, зачем пришёл. А со старой каргой я ещё побеседую. Узнает у меня, как мой адрес кому попало говорить...

Выглядел хозяин избушки странно. Точнее, настоящую его внешность описать не получится, потому что известна она была только самому Лешему, в совершенстве освоившему искусство мимикрии (или перевоплощения – как кому нравится). С возрастом Лешего тоже была полная неясность – точный год его рождения не был известен даже дьякам из канцелярии князя Владимира, а уж они-то знали всё. Купцу же он явился в виде мужика небольшого роста с явными следами злоупотребления алкоголем на лице, с мозолистыми руками и громадной нечёсаной бородой. Одет он был в сильно поношенный и многократно залатанный армяк, в руке держал ступку, в которой что-то помешивал.

Заметим также, что у Лешего имелось ещё одно редкое умение – он умел издавать особый звук, который моментально покорял лиц женского пола. Благодаря этому умению прославился он как редкий бабник, но после уже упомянутой истории с Русалкой пользоваться им прекратил.

Итак, перепуганный Филипп Иванович прошёл вслед за хозяином в избушку. В ней царил страшный беспорядок, везде были развешаны травы разной степени высушенности, да расставлены коробочки и бутылочки с этикетками типа «Гениталии крысиные высушенные» или «Желудок кротовый толчёный». Были и более экзотические надписи, типа «Слюна девственности» или «Моча старого индейца». Всё вместе и создавало тот запах, который чуть не свалил с ног нашего героя ещё на подходе к жилищу Лешего.

Итак, войдя в избушку и плюхнувшись на первый попавшийся табурет, который жалобно заскрипел, изложил Филипп Иванович суть вопроса. Леший слушал его, время от времени произнося то или иное нецензурное ругательство. Когда рассказ окончился, он некоторое время мрачно молчал.

– Н-да, – сказал он наконец. – Нелёгкая у тебя ситуация...

– Куда уж тяжелее-то, – жалобно отозвался купец. – Не знаю, что делать...

– Делать-то всегда есть что... – заметил Леший. – Помочь тебе, в общем, можно. Но нелегко это будет. И дорого.

– Скажи, сколько, заплачу я! Ради любимой доченьки-то!

– Не в деньгах тут дело. Зачем мне деньги-то твои тут, в лесу? С медведями я ими расплачиваться, что ли, буду? – Леший благоразумно умолчал о том, сколько княжеские дружинники платят ему за зелье, приготовляемое из аленького цветочка – недостатка в наличных он не испытывал.

– Проси, что хочешь! – повалился на колени купец.

– Ну что ж... – задумчиво произнёс Леший. – За помощь мою принесёшь ты мне клочок шерсти и кусок дерьма Чудища Заморского. А коли не принесёшь – пеняй на себя. Сделаю так, что влюбишься в Бабу-Ягу, и никого, кроме неё, не возжелаешь.

– Ой, спасибо тебе, благодетель! – купец снова повалился на колени и попытался поцеловать край армяка Лешего.

Брезгливо обойдя его, Леший подошёл к одному из сундуков и, порывшись в нём, достал кусок бересты, а затем, обмакнув гусиное перо в дурно пахнущую чёрную жижу, стал что-то на бересте царапать. Купец ждал, не шелохнувшись. Закончив царапать, Леший подал купцу кусок бересты:

– Значить, так. Написал я тут заклинание. Пусть твоя дочь прочтёт его в день своего восемнадцатилетия, ровно в полночь. Ровно! Если опоздает немного, или поторопится, или перепутает что в заклинании – быть беде, так и знай.

– Понял, батюшка! – пробормотал купец, пряча кусок бересты за пазуху.

– Ну раз понял, тогда пошёл вон! Да про плату не забудь, – сказал Леший, схватил купца за воротник и дал ему такого пинка, что купец вылетел из избышки, покатился по лесу и остановился уже почти у врат города Киева.

Утро дня своего восемнадцатилетия провела Настенька за чтением. Сидя в своей светлице, она разбирала и заучивала наизусть заклинание, нацарапанное Лешим на бересте, и инструкцию по его применению. Заклинание было длинным, а инструкция сложной. Да и заучивать его надо было, не произнося вслух.

Помимо прочего, заклинание включало в себя многие слова, с которыми Леший и батюшка Филипп Иваныч были вполне знакомы, а вот Настенька – не особо, потому как воспитывалась дома, да и дворовые люди при ней базар фильтровали. Поэтому провела Настенька за подготовкой целый день, даже свечки на печатном прянике задувать не пошла.

И вот настал вечер. В точном соответствии с инструкцией встала Настенька прямо в центр нарисованной на полу светлицы пентаграммы. Положив левую руку на грудь, правой стала она описывать круги в воздухе, посматривая на стоящие в сторонке песочные часы и мысленно кляня батюшку, пожалевшего деньги на контрабандные часы с кукушкой. Когда песка в их верхней части осталось всего ничего, начала Настенька декламировать заклинание. При этом она очень сильно волновалась, настолько, что в самом конце запнулась, и когда надо было завершить заклинание громовым «бля», произнесла вместо него более знакомое слово «блядь», которое иногда слышала, когда батюшка распекал дворовых девок.

И на последнем звуке заветного слова потемнело в светлице, раздался гром и всё заволжало дымом. Через некоторое время из клубов дыма раздалось недовольное урчание, сопровождавшееся разными странными словами. Когда же дым рассеялся, увидела купеческая дочь в своей светлице громадное существо с огромным брюхом, широченными плечами, длинными руками и огромным носом. Завершал картину толстый хвост, которым существо лениво обмахивалось.

– Ой, пришло чудище! – восхищённо вымолвила Настенька. – Давай, быстро, к ноге!

– Кто тут мне приказывать взялся? – лениво поинтересовалось существо.

– Я, – произнесла Настенька на этот раз менее уверенным тоном. – Ты же это самое, ну, Чудище? Заморское?

– Оно и есть, Чудище я Заморское. Только зачем ты тут мне команды отдаёшь?

– Ну, я тебя, это, вызвала же, – проговорила Настенька дрожащим голосом. – Ты в рабстве у меня должен быть... И желания мои исполнять...

– Так вот оно что... Ты сначала слова заветные выучи, дура! – вдруг взъярилось чудище. – Заклинания произносить правильно надо! Каждую букву! А теперь будешь ты до конца жизни мне служить! Поняла?!

С этими словами Чудище Заморское схватило Настеньку своими мощными лапами, три раза обернулось вокруг себя, пробормотало что-то нечленораздельное, щёлкнуло хвостом и они провалились в темноту.

Батюшка Филипп Иваныч стоял под дверью светлицы и подслушивал. Знал он, чем любимая дочь заняться собирается, и результата жутко боялся. Гром сильно напугал купца, но зайти внутрь он не мог – Настенька строго-настрого запретила. Но после того, как раздался гром, не услышал он больше ничего – ни криков, ни стонов. И, в конце концов, решился Филипп Иваныч, толкнул дверь и заглянул в светёлку.

Комната вся пропахла дымом и серой, деревянная мебель обгорела. Оберег, висевший над дверью, упал и раскололся надвое. В светёлке никого не было – ни Чудища, которое должно было бы появиться там, ни Настеньки.

Забеспокоился Филипп Иваныч. Комнату обыскал, даже в ларцы заглянул и в печь. Перерыв же всю комнату, понял он, что любимая дочь пропала.

Почти сразу пришла к купцу ещё одна мысль, напугавшая его не менее, чем пропажа дочери. Он вспомнил, на каких условиях дал ему Леший заклинание, и понял, что условия-то он не выполнил. Это несказанно напугало Филиппа Иваныча.

«А может, не знает Леший, что она уже заклинание читала?» – подумал купец. – «Может забудет? Дел-то у него и без меня много...»

Чтобы успокоиться, оторвался он на некоторое время от поисков дочери и приказал позвать к себе дворовую девку. Но тут ниоткуда раздался голос Лешего:

– Что, Филипп Иваныч, обмануть меня вздумал? Так не будет тебе спокойствия! Помнишь ли ты, что я тебе говорил?

Поражённый Филипп Иваныч потерял дар речи и сел на пол, напуганный до крайности. Но всё же был он купцом, причем многоопытным, поэтому, очнувшись, позвал первым делом управляющего и велел бежать в податный приказ и сообщить дьяку, что Баба-Яга уже несколько лет продаёт контрабандное пиво, привозимое аж из самого Константинополя, а подати с прибыли от этого не платит. Авось после этого долго не услышат о ней в Киеве.

Разобравшись с этой проблемой, стал Филипп Иваныч думать дальше. То, что дочь похищено Чудище Заморское, было ясно. Поэтому надо было выяснить, где находится дочь, после чего организовывать её спасение, и, что не менее важно, доставку обещанного Лешему. Как сделать это, Филипп Иваныч не знал...

С горя достал купец из ларца штоф водки и налил себе чарку. Выпив её залпом, налил ещё одну. Так сидел он и пил, как вдруг с улицы раздался шум, причём был он так силен, что доносился даже сквозь плотно закрытые ставни. Раздражённый купец подскочил к окну и распахнул ставни, намереваясь призвать кары небесные на головы тех, кто помешал ему думать о своём горе. Но, выглянув в окно, увидел он – на улице творилось что-то странное, люди, громко вопя, разбегались кто куда. Улица стремительно пустела. Приглядевшись и прислушавшись, он понял причину паники – в конце улицы появился Волхв.

В Киеве в те времена Волхв был фигурой весьма примечательной. Он постоянно бродил по городу и окрестностям, бормотал что-то себе под нос и совершал непонятные движения руками. Встретив кого-нибудь, он мог ни с того ни с сего начать предсказывать ему всякую гадость. Прославился он, когда предрёк князю Олегу – воспитателю Игоря, дедушки нынешнего князя, смерть от коня. Предсказание сбылось – правда, не совсем прямым путём, после чего волхв провёл несколько не очень приятных недель в подполе княжеского терема, где дружинники пытались добиться у него, не по указанию ли Константинополя он это напредсказывал. Добиться у Волхва ничего не смогли, убить его без признательных показаний не решились, опасаясь гнева Перуна, поэтому по тихому отпустили, взяв подписку о неразглашении. С тех пор и пошла за ним дурная слава.

Внешность Волхва вполне соответствовала репутации. Точного его возраста никто не знал, но ясно было, что стар он до невозможности. Был он очень высок и тощ, большую часть тела прикрывала седая нечёсаная борода. То, что не было прикрыто бородой, покрывали грязные вытертые волчьи шкуры. Опирался Волхв на длинный резной посох. Орнамент на посохе когда-то был покрашен, но краска с годами пооблупилась, а где не пооблупилась – выцвела.

Увидев Волхва, обезумевший от горя отец понял, что это шанс на спасение. Он кубарем скатился по лестнице, выскочил за ворота и повалился в ноги Волхву, когда тот проходил мимо его ворот:

– Спаси меня, святой человек! Помоги справиться с горем безутешным!

Непривычный к подобному обращению, Волхв несколько оторопел, но достаточно быстро взял себя в руки:

– Что тебе надобно, добрый человек?

– Дочку мою... любимую... Чудище Заморское... похитило... – проговорил Филипп Иванович, захлёбываясь слезами. – Помоги найти... всё отдам... не пожалею...

– Непросто твоему горю помочь, – ответил Волхв. После чего закатил глаза к небу, замалхал над головой посохом и забормотал на непонятном языке, несколько напоминавшем странное наречие, на котором разговаривали посетившие несколько месяцев назад город Киев купцы из города Иерусалима. Потом Волхв некоторое время сосредоточенно молчал, и в конце концов проговорил:

– Далеко-далеко на Западе, на берегу океана холодного, стоит скала одинокая. Омывают скалу волны океанские и обдувают ветры ледяные. На скале той башня каменная, в башне и живёт Чудище Заморское. Никто к той башне не подходит, ибо боятся все Чудища – затаскивает оно к себе прохожих, а что с ними дальше происходит – никому не ведомо. там и томится дочка твоя любимая.

– А как найти башню ту? Скажи, святой человек!

– Нелегко то будет. Ехать надо постоянно на запад да прохожих спрашивать, где тут места пустынные, где Чудище живёт. Авось кто-нибудь да скажет. Но непросто будет с Чудищем справиться – только богатырь настоящий сможет то сделать, да и ему сложно будет.

– Спасибо, святой человек! Как мне отблагодарить тебя? – спросил купец, которому полученная информация жизнь не облегчила, но внесла, по крайней мере, некоторую ясность.

– Что сам захочешь дать, то и дай, – ответил Волхв. – Только не наличными – не нужны они мне.

Подумав, купец, даже в подобной ситуации не забывший о собственной выгоде, приказал привести со двора девку, которая помогала Настеньке пентаграмму для заклинания чертить. Захочет Волхв – будет её для уборки использовать, захочет – в жертву Чернобогу принесёт, а сплетен всё одно меньше будет.

В те времена выходила в городе Киеве газета «Киевско-Русская правда». Каждое утро бежали по городу Киеву мальчишки, разносившие куски бересты, на которых, кроме текста, написанного полууставом, но мелкими буквами и очень тесно, красовался лик бога Перуна.

Каждый же четверг, когда был у киевлян банный день, выходило ещё и приложение – «Вестник Ярилы». Бог Ярила, кроме того, что обеспечивал, по мнению древних русичей, бесперебойную работу Солнца, отвечал за вопросы, связанные с плодородием – в самом широком смысле. В рамках этого в его ведении находилась и интимная жизнь жителей Древней Руси. Соответственно, из приложения черпали киевляне советы касательно того, как повышать уровень плодородия, как успешнее и эффективнее размножаться.

Помимо этого, имелись в приложении и срамные картинки. Приписывали их различным местным художникам, на самом же деле, был это чистой воды плагиат – их перерисовывали с картинок, завозившихся контрабандой аж из Константинополя. По слухам, рисовал их там, в свободное от основной работы время, некий Феофан Грек.

Излишне говорить, что именно эти картинки привлекали немалую часть читателей «Вестника Ярилы», в особенности тех, кто грамоте обучен не был и потому не имел возможности ознакомиться с содержанием статей.

Как раз этот раздел приложения рассматривали трое мужчин, сидевших под вечер четверга в одной из киевских общественных бань. Намахавшись вениками, они пили, развалившись, мёд и разглядывали последний номер «Вестника», время от времени вырывая его друг у друга. Двое из них были среднего возраста, носили давно не стриженные окладистые бороды и по комплекции напоминали борцов-супертяжеловесов. Третий был сильно моложе, чисто выбрит и комплекцией напоминал легковеса. Звали их Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Не далее, как утром того же дня все трое остались без работы. Последние несколько лет трудились они на службе у князя Владимира, который поручал им разные сложные задания – то трёхголового змея победить, то посланного из Константинополя Соловья-Разбойника обезвредить, то вернуть из ставки Калин-царя похищенную княжескую любовницу. При этом князь постоянно норовил недоплатить за работу, да и на почести был крайне жаден – например, на пирах сажал их в конце стола, после разных приказных дьяков или собственных дружинников, которые только и умели по пьяному делу громить лавки на городском рынке. Выполнив очередное задание, три богатыря были снова обижены полученным гонораром и подали князю заявления об уходе. В баню они зашли выпить по этому поводу, поразвлечься с непотребными девками и обсудить, что делать дальше.

Дальнейших карьерных вариантов представлялось много. Можно было податься на северо-запад к норвежским или шведским конунгам, которые постоянно печатали объявления о найме опытных воинов на интересную и высокооплачиваемую работу. Можно было наняться к константинопольскому императору, а можно было открыть собственный бизнес – пригласить ещё нескольких специалистов подобного профиля и начать обирать купцов на дорогах Киевской Руси. Последнее казалось не только наиболее прибыльным, но и наиболее безопасным, ибо к княжеским дружинникам, которые должны были подобный бизнес пресекать, богатыри относились презрительно и совершенно их не боялись.

Пока же они сидели в бане, пили мёд и рассматривали срамные картинки в «Вестнике Ярилы». Вдруг Добрыня Никитич, которого двое других считали интеллигентом, потому что, кроме махания мечом да палицей, он был единственный из них обучен грамоте и даже немного знал по-инострannому, сказал:

– Подождите, други, тут что-то интересное есть, – и ткнул пальцем в газету.

– Что там такого может быть? – лениво протянул Илья Муромец, мысли которого были заняты, в основном, мёдом и предстоящим общением с девками. Хозяйка, зная его любовь к половчанкам, специально недавно прикупила для него новенькую на невольничьем рынке.

Алёша Попович, мысли которого были заняты тем же, только предпочитал он пышнотелых славянок, хмыкнул, выражая согласие.

– Объявление! – глубокомысленно изрёк Добрыня Никитич. – Купец какой-то работников ищет. Дочку спасать.

– От кого? – поинтересовался Илья Муромец. – Может, девка с заезжим гусяром сбежала? За то, чтобы гусяру морду набить, много не заплатят.

– Нет, друг мой, тут поинтереснее. Чудище Заморское дочь купеческую похитило. Цена за работу – договорная.

– А голов у Чудища сколько? – подал голос Алёша Попович. – Если не больше трёх – можно взяться. А то в прошлом году, когда ездили мы в Германию с девятиголовым драконом разбираться, столько мороки было...

– Особенно тебе, – ответил Илья Муромец, не оборачиваясь. – Работали, в основном, мы с Добрыней, пока ты с этими гансами – Зигфридом, Гунтером и Хагеном – шнапс хлестал.

– Вот мы с тобой и нарисовали на щитах по дракону, а Алёше – хрен собачий, – прервал его Добрыня. – Хватит время терять! Пошли к купцу, выяснять, что ему надо и сколько он заплатить готов.

– Но сначала – девок новых попользовать! – возразил Алёша Попович и двинулся к выходу. За ним последовал Илья Муромец. Вскоре из соседнего помещения послышались тяжёлые ритмичные вздохи и женское повизгивание. Добрыня Никитич презрительно поморщился – он никогда не одобрял увлечения друзей девками, и предпочитал время от времени захаживать к знакомой знахарке, жившей неподалёку от городских ворот.

Доведя девок до изнеможения, богатыри вскочили на коней и отправились разыскивать дом давшего объявление купца.

Через полчаса они уже колотили кулаками в латных перчатках в мощные ворота, крича: «Хозяин, открывай! По объявлению пришли!» Двери открыл поддатый мужик в косоворотке:

– Кто такие? Зачем пожаловали?

– По объявлению мы! – солидно заявил Илья Муромец.

– По какому такому объявлению?

Илья Муромец терпением не отличался:

– Ты долго ещё, холоп, вопросы мне задавать будешь? Хозяина зови! – гаркнул он и для пущей убедительности взялся за палицу. Холоп прекрасно понял намёк и бросился за хозяином.

Через некоторое время, сидя с богатырями в светлице, Филипп Иваныч сбивчиво излагал им свою печальную историю. Богатыри понимающе кивали. Дослушав, Илья Муромец сказал:

– Порол ты её мало в детстве. Розгами надо было сечь, розгами.

– Да подожди ты, – прервал его Добрыня Никитич и обратился к хозяину дома:

– С этим всё ясно. А знаете ли Вы, любезнейший, где нам Чудище искать?

Купец изложил им услышанное от Волхва.

– Это уже что-то, – заметил Добрыня. – Но, как Вы понимаете, столь высокая неопределённость ситуации требует более высокой платы за работу...

Остальные богатыри согласно закивали. Вопрос о повышении оплаты был им близок и понятен, они всегда восхищались умением Добрыни затронуть его в самый правильный момент.

– Сколько потребуете, столько заплачу, благодетели! Только дочь верните!

– Потребуем мы немного, – ответил Добрыня. – Дорожные расходы, командировочные, амортизация оборудования, а кроме того... Мы намерены с работы у князя уволились и подумываем собственным делом заняться. А это весьма накладно – терем отдельный нужен, снаря-

жение покупать, да и писаря нанять – заказы принимать, с клиентами разговаривать. Ты нам на обзаведение денег и дашь.

– Дам, как пить дать! – закивал купец. – Только вот, знаете ли...

– Что ещё такое? – насторожились богатыри.

– Задолжал я Лешему, который в чаще лесной живёт... Обманом он с меня обещание взял...

– Та-а-ак... – проговорил Добрыня, а Илья Муромец с Алёшей Поповичем напряглись – Лешего они знали, сами несколько раз покупали у него небезызвестное зелье и ничего хорошего от него не ожидали. – Что ты ему обещал?

– Принести ему... шерсть... и дерьмо... Чудища, – проговорил купец.

– Это зачем же?

– Говорит, необходимо, чтобы зелье потайное делать...

– Так, так, так, – проговорил Добрыня. – Зелье, говоришь? Тогда за допущение ты нам у Лешего этого самого зелья и купишь! Да побольше! А как торговаться с ним будешь – не наше дело. На то ты и купец.

Обрадованный Филипп Иваныч был согласен на всё. Ударили по рукам, и богатыри поехали на притулившийся у городской стены постоялый двор, где жили – отсыпаться перед долгой дорогой.

Спали они три дня и три ночи, а от храпа их богатырского сотрясался весь квартал. Тем временем холопы Филиппа Иваныча бегали по всему Киеву, закупая для богатырей припасы и снаряжение. На рассвете четвёртого дня выехали за ворота города Киева три богатыря, обвешанные оружием. К сёдлам их были приторочены большие мешки с припасами и разнообразным снаряжением. Выехали богатыри за ворота, остановились на несколько минут, переглянулись, и поехали прямо на запад – искать башню, в которой жило Чудище Заморское.

Глава 2.

Поиски купеческой дочери

Тем временем на Дальнем Западе была глубокая ночь. В башне на одинокой скале горели факелы. Горели они и в глубоком подземелье, где за семью дубовыми дверьми и семью медными замками томила Настенька. Ещё не пришедшая в себя после того, что произошло после ворожбы, она лежала на полу подземелья, прикованная за ногу к стене тяжёлой цепью. Перед ней прохаживалось взад и вперёд Чудище:

– Слушай меня, девица красная. Хотела ты меня в полон взять? Чтобы на цепи держать? Не пройдут со мной такие шутки! Я – Чудище Великое! И за гордыню и наглость свою всю жизнь расплачиваться будешь! Теперь ты мне до конца жизни служить должна! По дому работать – убирать, стирать, что там ещё делают?

Настенька поняла, что крепко влипла. Она не знала, сколько прошло времени и где она находилась, о том, чтобы убежать, она даже не думала – вообще, на то, чтобы думать, сил особо не осталось, да и не была она к этому процессу приучена. Поэтому только и оставалось ей, что снова горько заплакать, но это она делала уже в одиночестве, ибо, закончив свою речь, Чудище повернулось, махнуло хвостом, больно стегнув Настеньку по ногам, и вышло из темницы.

Поднявшись по винтовой лестнице, ступени которой сильно стёрлись, Чудище очутилось в своих покоях. Они представляли собой полную противоположность тёмному и сырому подземелью. Их ярко освещали многочисленные свечи, стены были затянуты дорогими тканями, а мебель была деревянная, резная, сделанная в самом Константинополе. Помимо любви к красивой обстановке, Чудище имело небольшую слабость – оно испытывало тягу к современному искусству, и по его покоям были расставлены и развешаны идолы, привезённые из земель славян, металлические украшения из земель франков и викингов и даже несколько икон, привезённых, опять же, из Константинополя.

Привычки и увлечения Чудища стоили немалых денег, но это не было проблемой – мимо башни нередко проплывали, возвращаясь с очередного грабежа, викинги, и Чудище брало с них плату, угрожая наслать бурю, которая отправит на дно всю добычу. От них же Чудище узнавало о всех современных веяниях в искусстве и зачастую заказывало им доставку того или иного произведения. Раз оно даже заплатило одному из конунгов, чтобы он доставил из дыры, называвшейся то ли Лютеция, то ли как-то ещё, статую какой-то крылатой дряни, украшавшую местную церковь. Подобные украшения только вошли в моду, и Чудище страстно желало иметь образец в своей коллекции. Конунг задание выполнил, правда, по ходу дела, сжёг весь город, но побочные эффекты Чудище мало волновали. Теперь статуя красовалась над воротами башни, в которой Чудище обитало.

Единственным местом в башне, где никаких произведений искусства не наблюдалось, был последний этаж. Там находился только один предмет – громадное зеркало на гранитной подставке. Чтобы поднять его сюда, Чудищу пришлось напрячь всю свою магическую силу, ибо одно дело доставить миниатюрную отроковицу из Киева, а другое – поднять на верхний этаж несколько тонн гранита. Когда-то давно Чудище получило зеркало в подарок от Ундины, проживавшей в Галлии. В нём отражалось всё, что происходило в башне, а когда к ней приближался незнакомец, оно начинало вопить благим матом, так что иногда именно эти вопли незваных гостей и отпугивали. Благодаря зеркалу Чудище могло не тратить на охрану и жило в башне в гордом одиночестве – если, конечно, не считать отроковиц, которых оно время от времени похищало в разных странах.

Отроковицы были ещё одной слабостью Чудища. Помимо прочего, они были нужны Чудищу для экономии магической силы – при наличии в башне девицы, можно было заставить

её убирать и прислуживать, не задействуя магию по мелочам. Поэтому в подземелье почти всегда содержалась хотя бы одна отроковица. Когда они совсем обессиливали от жутких нагрузок, Чудище по дешёвке продавало их проезжим викингам, которым постоянно требовалось приносить кого-то в жертву Одину.

Выехав из ворот стольного града Киева, три богатыря медленно поехали вдоль дороги, ведущей на Запад. Ничего хорошего там не было – сначала Галич, потом Польша, где говорили вроде по-русски, но как-то странно, а потом вообще неизвестно что, где богатыри по работе уже бывали, но находили те края крайне непривлекательными – и даже алкоголь там делали, на их вкус, хуже, чем на Руси. Правда, по мнению всех троих, в южном, восточном и северном направлениях тоже было так себе – хазары, волжские булгары и новгородцы казались ничем не лучше поляков, немцев и галичан.

Миновав холм, на котором стояла уже известная нам избушка Бабы-Яги, откуда как раз доносился чей-то визг, они пришпорили коней. Дорога петляла между холмами, уводя всё дальше и дальше и становясь всё хуже и хуже – по мнению дьяков, отвечавших за её ремонт, чем больше появлялось на ней ям и рытвин, тем труднее было захватчикам дойти до города Киева. Правда, захватчиков это не убеждало, и до Киева они доходили с завидной регулярностью.

То тут, то там встречались деревни, жители которых не обращали на проезжавших никакого внимания – их интерес могли вызвать только княжеские дьяки и дружинники, выехавшие на полюдьё, но, во-первых, на полюдьё ездили зимой, а во-вторых, не втроём, а гораздо большими группами – иначе было опасно. Так, пересказывая друг другу услышанные в корчмах срамные истории и время от времени останавливаясь, чтобы справить естественные надобности, скакали богатыри почти до полудня. В полдень же они подъехали к развилке, где дорога разделялась на три.

Перед развилкой стоял камень, на котором правильным уставом было выбито:

Прямо пойдёшь – к полякам придёшь.
Налево пойдёшь – в Корсунь придёшь.
Направо пойдёшь – в Литву придёшь.

Добрыня Никитич прочитал надпись вслух, но это было излишне – все трое знали её наизусть.

– Ну что же, – изрёк Илья Муромец. – Сказано – на запад ехать, так и поехали. А в Корсунь и к литовцам нам пока не надобно.

И богатыри поехали на запад.

Вскоре богатыри увидели большой развесистый дуб. Подъехав к нему, они спешились, привязали коней, наскоро перекусили сухарями, запили их самогоном, обсудили, в каком порядке будут дежурить, и легли спать.

Времена тогда были беспокойные, разбойников водилось много, поэтому путники спали, не снимая кольчуг и мечей. Первым выпало дежурить Алёше Поповичу, как самому молодому. Чтобы не заснуть, он описывал круги вокруг дуба, поглядывая вокруг. Гораздо чаще он, правда, смотрел на походные песочные часы, которые должны были показать, когда придет пора будить Добрыню Никитича.

Когда половина песка просыпалась вниз, Алёша Попович решил дать себе небольшой отдых, подошёл к стволу, облокотился на него и снял шлем. Вдруг ему на голову что-то упало. Выхватив меч, богатырь посмотрел вверх и увидел, что на ветке сидит ворон и внимательно на него смотрит.

– Смотри, куда гадишь, хмырь пернатый! – прошипел Алеша.

Ворон благоразумно перелетел на более высокую ветку и ответил:

– А ты кто, вообще, такой? Я на этом дубе живу, вот и гажу. Или уже у себя дома нагадить нельзя?

Алёша Попович вложил в ножны меч и потянулся за луком, но был остановлен окриком проснувшегося от шума Добрыни Никитича:

– Отставить стрелять! Что тут происходит?

– Да вот, Добрыня, ворон этот на голову мне насрал...

– А ты не зевай! Воин должен быть внимательным! Надо было пристрелить до того, как срать начнёт, а сейчас поздно уже.

– Вот именно, – заметил ворон. – Вы кто вообще такие и куда путь держите?

– А тебе зачем? – спросил Добрыня Никитич, который, как старший, взял на себя ведение разговора.

– Как зачем? Остановились под моим дубом, намусорили тут, так хоть представьтесь, – обиженно сказал ворон.

Оглядев место ночлега и признав претензию справедливой, Добрыня ответил:

– Из Киева мы. А путь держим на запад. Куда точно – не знаем.

– Как не знаете?

– А вот так. Подрядились мы найти дочку купца одного – Чудище Заморское её похитило. Знаем только, что живёт Чудище далеко-далеко на Западе, на берегу холодного океана, в башне на одинокой скале. Вот и едем мы искать эту самую скалу.

– Да-а... Нелегко вам, добры молодцы. И как же вы её искать-то собираетесь? Без карт, без джипиэса и даже без какого-нибудь завалящего путеводителя?

Добрыня понял, что разговор начал принимать нежелательный оборот – похоже было, что ворон пообразованнее его, и даже умение читать и писать его бы не удивило. С другой стороны, он мог дать какой-нибудь совет, поэтому Добрыня решил не будить вспыльчивого Илью Муромца, а попытаться вытянуть из ворона что-нибудь дельное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.